

ЛУЧШИЕ ВОИНЫ В ИСТОРИИ

ВИТАЛИЙ ПЕНСКОЙ

**«ЯНЫЧАРЫ»
ИВАНА ГРОЗНОГО**

**СТРЕЛЕЦКОЕ ВОЙСКО
ВО 2-Й ПОЛОВИНЕ XVI – НАЧАЛЕ XVII ВВ.**

**МОСКВА
2019**

УДК 94(47)”15/16”
ББК 63.3(2)45
П25

Рецензенты:

д.и.н., проф., зав. кафедрой политической истории
Воронежского государственного университета *В.Н. Глазьев*
к.и.н., руководитель группы научно-методических разработок ФГБУ «Государственный
комплекс «Дворец конгрессов» Управления делами Президента РФ *А.Н. Лобин*

Художник: Азат Кужин

Пенской, Виталий Викторович.

П25 «Янычары» Ивана Грозного : стрелецкое войско во 2-й половине XVI – начале XVII в. / Виталий Пенской. — Москва : Эксмо : Яуза, 2019. — 320 с. — (Лучшие воины в истории).

ISBN 978-5-04-183621-4

На протяжении более чем полутора столетий, с середины XVI в. и вплоть до самого окончания правления Петра Великого, неотъемлемой частью русского войска были стрельцы. Они стали первой русской пехотой, полностью оснащенной огнестрельным оружием и которую можно назвать постоянной и в известном смысле регулярной (с поправкой на реалии эпохи).

Созданное в 1550 г., во время т.н. «реформ Ивана Грозного», стрелецкое войско прошло боевое крещение в самой известной военной кампании первого русского царя – взятии Казани осенью 1552 г. Зарекомендовав себя с самой лучшей стороны во время казанской эпопеи, «выборные» «огненные стрельцы» прочно заняли свое место в структуре государевых ратей. Ни один мало-мальски крупный поход и военное предприятие эпохи Ивана Грозного и его преемников не обходились без участия стрельцов, московских и городовых. Взятие Астрахани, противостояние с крымским ханом, война в Ливонии с литовцами, поляками и шведами, Полоцкая и Баториева войны, походы на Северный Кавказ, бесчисленные бои и стычки времен Смутного времени с иностранными интервентами и русскими «ворами» – боевая летопись стрелецкого войска до предела насыщена событиями.

В исследовании одного из ведущих специалистов по русской военной истории раннего Нового времени в подробностях воссоздается история стрелецкого войска на первом этапе его истории – с момента создания до окончания Смутного времени и первых лет царствования царя Михаила Федоровича. Вооружение и тактика стрельцов, их организация и командная иерархия, стрелецкая «повседневность» в дни войны и мира, набор и обучение стрельцов, государево жалованье и многое, многое другое – все, что сохранилось до наших дней в немногочисленных документах и других свидетельствах эпохи, подробно рассмотрено в этой книге.

УДК 94(47)”15/16”
ББК 63.3(2)45

ISBN 978-5-04-183621-4

© Пенской В.В., 2019
© Красников А.В., рисунки
© ООО «Издательство «Яуза», 2019
© ООО «Издательство «Эксмо», 2019

От автора

Московские стрельцы. Кто не слышал о них? Эти суровые бородастые мужики в клюквенно-красных кафтанах и шапках, в красных же сапогах с загнутыми носками, с тяжелой пищалью и перевязью-берендейкой через плечо, саблей на боку и внушающим почтение и невольное уважение своими размерами бердышом в руке давно уже стали своего рода «брендом» старой допетровской Руси и русского войска той эпохи. Образ стрельца запечатлен во множестве художественных полотен, в книгах и кинофильмах и прочно вошел в общественное сознание.

Однако для тех, кто так или иначе более или менее глубоко погружен в русскую военную историю раннего Нового времени и в историю русского военного дела той эпохи (а военная история и история военного дела не совсем одно и то же, это не синонимы, а скорее, взаимодополняющие понятия), нет сомнений в том, что этот хрестоматийный образ московского стрельца относится к последней трети XVII в., к последним годам правления «тишайшего» царя Алексея Михайловича и его сына Федора, к временам 13-летней войны с поляками за Украину и первой настоящей русско-турецкой войны из-за все той же Украины. Таким его, московского стрельца, видели в те времена иностранные дипломаты на торжественных встречах-«стойках» и во время торжественных же царских выездов, таким его они описали в своих записках и мемуарах и зарисовали. С тех пор «классический» московский стрелец и начал свое путешествие по страницам книг и экранам кинотеатров и телевизоров (а сейчас и компьютеров). Но ведь не секрет, что к тому времени, когда формировался тот образ, московским стрельцам было уже больше сотни лет, и хотя стрелец времен Алексея Михайловича и не отличался настолько от своих предтеч времен Ивана Грозного, как петровский

фузилер от мушкетера времен Отечественной войны 1812 г., тем не менее отличия были, и порой весьма существенные.

Увы, к превеликому нашему сожалению, сегодня мы не можем **в точности** (выделено нами. — В.П.) восстановить облик московского стрельца в первые десятилетия существования стрелецкого войска. Московские архивы XVI в., и архив Стрелецкого приказа в том числе, сильно пострадали в бурных событиях начала XVII в., вошедших в историю под названием «Смутное время», да и регулярные московские пожары не лучшим образом отразились на судьбе многочисленных документов, запечатлевших в себе основные вехи исторического пути, пройденного стрелецкой пехотой в те первые три четверти века ее существования. Тем не менее в нашем распоряжении есть необходимый минимум материалов — сохранившихся буквально чудом актов, разрядных записей, летописных свидетельств и, конечно же, рассказов современников о том, что представляли собой московские стрельцы в те стародавние времена — как они выглядели, чем были вооружены, какое получали содержание и многое другое. Одним словом, стоит попытаться реконструировать, проведя своего рода исторический розыск, используя в комплексе, системно, имеющиеся в нашем распоряжении материалы для того, чтобы представить перед читателями достаточно правдоподобный образ стрельца времен Ивана Грозного и его ближайших преемников. И эта попытка будет авторским вариантом ответа на извечный вопрос, который издавна стоит перед историками — «как оно было на самом деле» («Wie es eigentlich gewesen» — фраза, принадлежащая патриарху германской исторической мысли Л. фон Ранке).

Результаты этого розыскания позволят дать ответ на вопрос (перефразируя известное выражение) — «откуда есть пошло стрелецкое войско, кто на Москве стали первыми стрельцами и откуда стрелецкое войско стало быть». Само собой, в ходе этого розыска непременно найдутся ответы и на другие, не менее важные, вопросы — например, кого можно считать предшественниками стрельцов (кстати говоря, этот вопрос вызвал в 50-х гг. минувшего столетия нешуточную дискуссию), для чего и зачем был создан корпус стрелецкой пехоты, из каких слоев русского общества и каким образом рекрутировались стрельцы, как было устроено стрелецкое войско, как оно управлялось и как билось «огненным боем» и «ручным сечением» на полях

сражений многочисленных войн, которые вело Русское государство во 2-й половине XVI — начале XVII в., каким было его содержание и...

Одним словом, в ходе предпринятого нами исторического разыскания придется ответить на целый ряд вопросов, так или иначе касающихся не только «истории битв и сражений», но и истории «военной повседневности» русских стрельцов. Конечная же цель нашей работы состоит в том, чтобы закрыть (хотя бы частично) лауну в наших познаниях об этой странице истории Русского государства и общества, ибо, как будет показано дальше, несмотря на то, что стрельцы сыграли важную роль в истории России той давней эпохи, обобщающей работы о них не было и нет по сей день.

Сама по себе история московских стрельцов (понимая под этим термином не столько их местопребывание, сколько распространенное наименование периода в русской истории — эпохи Московской Руси) интересовала нас давно, еще со студенческой скамьи. Правда, на первых порах мы сполна отдали дань негативным историческим и литературным стереотипам, которые сложились вокруг стрельцов в конце XVII — начале XVIII в. и были закреплены в последующие столетия. Однако в начале 2000-х гг. постепенно произошла переоценка их места и роли в русской военной истории и истории русского военного дела, и связана эта переоценка была, во-первых, с основательным и глубоким знакомством с источниками (летописями, актовыми материалами, разрядными записями и пр.), а не с их интерпретациями, а во-вторых, с совершенствованием рабочего инструментария, методов, посредством которых проводится историческое исследование, созданием нового «вопросника», с которым заново, не полагаясь на мнения авторитетов, пришлось подступаться к пожелтевшим от старости текстам. Новый образ стрельца и стрелецкого войска, который сформировался в результате более чем полуторадесятилетних изысканий в этой области, существенно (а в некоторых вопросах — радикально) отличался от привычных стереотипов, став частью новой картины истории русского военного дела раннего Нового времени, картины вполне узнаваемой, но вместе с тем в важнейших деталях существенно отличавшейся от традиционной.

Создание в середине XVI столетия корпуса стрелецкой пехоты стало закономерным результатом включения Русского государства в процессы, связанные с усовершенствованием и широким распространением огнестрельного оружия в Евразии в эпоху позднего

Средневековья — раннего Нового времени. С легкой руки британского историка М. Робертса эти процессы получили в историографии 2-й половины минувшего столетия название военной (иногда к этому определению делают уточнение — «пороховой», поскольку в историческом сообществе в 60 — 70-х гг. говорили о нескольких военных революциях, например, о «гоплитской», раннесредневековой, которая привела к появлению рыцарства, и др.) революции (о ней и ее особенностях подробнее будет сказано дальше). И пускай эта оригинальная концепция сегодня выглядит уже не столь убедительно, как в 50-х–60-х гг. минувшего столетия, а ее позиции подорваны критикой со стороны «эволюционистов» (которые отрицают саму идею военной революции в эпоху раннего Нового времени, отстаивая тезис о постепенной, эволюционной по своей сути трансформации средневекового военного дела в раннемодерное). Никто — ни сторонники М. Робертса и его последователей, ни их оппоненты (истина лежит где-то посередине, и в каких-то вопросах правы сторонники революции, а в каких-то — «эволюционисты») не оспаривают того очевидного факта, что внедрение в повседневную военную практику огнестрельного оружия, сперва тяжелого (артиллерия), а затем и легкого (ручное огнестрельное оружие разных систем и конструкций), имело далеко идущие последствия и в военной сфере, и в других. Изобретение и повсеместное внедрение огнестрельного оружия обусловило рождение новой тактики, постепенно изменило стратегию и «лицо битвы», способствовало превращению военного дела из ремесла в науку, и науку сложную. И самое важное — непреложным стало то обстоятельство, что тот, кто располагал необходимым набором огнестрельного оружия, не говоря уже о кадрах, способных его производить и применять на поле боя, имел неоспоримые преимущества над теми, у кого не было ни того ни другого. Отныне грубая физическая сила и количественное превосходство перестали играть доминирующую роль на полях сражений. Качество победило (не сразу, конечно, со временем) количество.

Если мы посмотрим на историю стрельцов 2-й половины XVI — начала XVII в. под этим углом зрения, то можно с уверенностью сказать, что для Русского государства создание корпуса стрелецкой пехоты (наряду с формированием артиллерийского «наряда» и налаживанием массового выпуска огнестрельного оружия и боеприпасов к нему) также стало важным этапом на пути превращения его в пол-

ноценную «пороховую империю».¹ Несколько подзадержавшись на старте, во 2-й половине XV в. (и в особенности в последней его четверти), при Иване III, Русское государство набрало приличные темпы в деле совершенствования своей военной силы и приведения ее в соответствие с новейшими требованиями военного дела и впредь старалось не отставать от конкурентов в этом вопросе. Возможно, объяснение этому явлению кроется, с одной стороны, в том, что Русскому государству приходилось вести практически непрерывные войны и, соответственно, вносить необходимые коррективы в генеральное направление развития и улучшения с учетом накопленного опыта и последних новинок в военном деле собственной военной машины. С другой стороны, опыт этих многочисленных войн наглядно показывал, чем чревато малейшее отставание в военном деле, и правящая элита Русского государства, осознавая это, стремилась не допустить повторения печальных событий прошлого.

Вместе с тем, анализируя особенности развития русской военной машины эпохи раннего Нового времени, нетрудно при более или менее внимательном и непредвзятом ознакомлении с имеющимися в нашем распоряжении материалами заметить, что перенимание зарубежного опыта военного строительства в Москве производилось весьма выборочно, с учетом местных реалий и возможностей (весьма, кстати сказать, невеликих). Речь ни в коем случае не шла о прямом копировании тех или иных инноваций в столь важной сфере жизни государства и общества, но о применении заложенных в эти инновации принципов и к конкретным условиям, в которых приходилось действовать русским ратям, и к имевшимся в распоряжении властей возможностям, финансовым, материальным и людским, которые позволяли адекватно отвечать на вызовы времени.

Почему так получилось? Ответ надо искать в плоскости, которая на первый взгляд может показаться весьма далекой от военного дела. Не секрет, что раннемодерное Русское государство нельзя назвать ни богатым, ни процветающим — сама природа, само географическое положение России в те времена налагали серьезные ограничения на развитие ее экономики, носившей ярко выраженный аграр-

¹ Kennedy P. The Rise and Fall of Great Powers. Economic Change and Military conflict from 1500 to 2000. N.-Y., 1987. P. 15.

ный и вместе с тем довольно примитивный, архаический характер. Россия раннего Нового времени — это не раннесредневековая Русь-Гардарика, а деревенская страна с редким, рассеянным на больших просторах населением, немногочисленными городами, большая часть из которых мало чем отличалась от сел. И вдобавок ко всему сама природа, по образному выражению С.М. Соловьева¹, была для русских скорее мачехой, нежели доброй матерью. Как следствие, то, что могли позволить себе монархи Западной Европы раннего Нового времени, московские великие князья и государи, крайне стесненные в средствах, позволить себе не могли. Приходилось, по одежке протягивая ножки, искать альтернативные пути выхода из создавшейся ситуации, и в целом, надо признать, это неплохо у них получалось. Достаточно сравнить территорию Русского государства в 1462 г., когда Иван III принял бразды правления из рук умирающего отца, и в 1605 г., накануне Смуты — территориальный рост налицо, и рост весьма и весьма значительный. Добиться же такого успеха, имея в руках негодное оружие, в те времена было невозможно — следовательно, военная машина Русского государства 2-й половины XV — начала XVII в. была достаточно эффективна и адекватна имеющимся силам и средствам. Эту же адекватность невозможно было обеспечить без рационального, взвешиваемого, отнюдь не поспешного освоения передового на тот момент военного опыта, теории и практики, причем заимствуемых (естественно, с последующей адаптацией к местным условиям и реалиям) равно как на Западе, так и на Востоке

Стрелецкое войско, появившееся в середине XVI в., представляло собой один из наиболее ярких примеров такого рационального подхода к перениманию инноваций в военном деле. В том, что в Москве внимательно изучали вопросы, связанные с военным строительством в соседних государствах, сомневаться не приходится, равно как и то, что из полученного опыта делались соответствующие выводы. Московские «стратилаты»-«воинники», имея перед глазами широкий спектр возможных вариантов действий (условно говоря, модель западноевропейскую, модель восточноевропейскую и модель османскую) и весьма богатый собственный опыт использования пехоты, вооруженной огнестрельным оружием, выбрали из них те принципы,

¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 13 // Соловьев С.М. Сочинения. Кн. VII. М., 1991. С. 8.